

А.И. Терюков

**АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЖУРАВСКИЙ
И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ ПО РУССКИМ СТАРООБРЯДЦАМ
В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРЕ) РАН**

В истории развития русской науки можно найти много имен, вокруг которых в свое время шли бурные дискуссии: о них много говорили, обсуждали высказанные ими идеи. Но проходило некоторое время, и о них по разным причинам быстро забывали. Именно к таким людям и относится Андрей Владимирович Журавский (1882–1914). Его деятельность в 1905–1914 гг. как разностороннего исследователя, работавшего на стыке разных наук на Русском Севере, вызвала неоднозначные высказывания самых разнообразных лиц, но одновременно и стимулировала новую волну интереса к всевозможным исследованиям в этом регионе. Наряду с этим А.В. Журавский был одним из крупнейших собирателей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого начала XX в.

Впервые его имя появляется в отчетах МАЭ в 1905 г., когда упоминается «русская одежда из Печорского уезда (15 предметов)» и «древнерусская картина, солонка, ларец и игрушка из Печорского уезда от г-на Рогачева через студента А. Журавского»¹. В отчете за 1906 г. о собранных коллекциях написано следующее: «Из Европейской России наиболее ценные коллекции доставлены А.В. Журавским. В его самоедской коллекции, кроме одежды и украшений, исключительную ценность представляет собрание бубнов и шаманских облачений, многочисленное собрание изображений духов-хранителей и амулетов и, наконец, исчерпывающее собрание кукол. Этому же собирателю принадлежит прекрасное и замечательное по количеству предметов собрание из быта русских Печорского края. Особенно ценны орнаментированные орудия труда (грабли, рубели, каталки, грабилки), раскрашенные сани, собрание флюгеров и коньков, детские игрушки. Наконец, вышивки и одежды старорусского образца»² (рис. 1). В том же году А.В. Журавский привлекается Музеем для регистрации и описания привезенных коллекций.

В 1907 г. он уже назван «неутомимым корреспондентом»: «Самоедский отдел продолжал непрерывно пополняться присылками неутомимого корреспондента Музея А.В. Журавского. Через него поступили в дар Музею от П.А. Сумарокова большое собрание кукол и божеств самоедов. Им же [А.В. Журавским. — А.Т.] организована на месте экспедиция за Урал, доставившая, кроме различных предметов быта, новые редкие предметы из культа и быта зауральских самоедов, а также от оседлых самоедов (всего до 300 предметов). Ценные собрания из быта русского населения

Рис. 1. Сарафан. МАЭ. Колл. № 935–10.

Архангельской губ., упомянутые в прошлом отчете [за 1906 г. — А.Т.], преимущественно по северному древнерусскому орнаменту, которыми Музей обязан исключительно инициативе и трудам А.В. Журавского, продолжали пополняться дальнейшими присылками того же неутомимого собирателя, доставившего в истекшем году до 350 новых предметов»³.

Как корреспондент Музея, он снова упоминается в отчете за 1908 г.: «Самоедские собрания из Печорского края и Приуралья, собранные постоянным корреспондентом Музея А.В. Журавским, по-прежнему отличаются и в количественном и в качественном отношении. Особенно отметим коллекцию саней всех типов, в том числе впервые сани с собачей запряжкой, отличный экземпляр свадебных саней и свадебной оленьей упряжи, богато украшенной расшитым сукном, покрывалами; большое собрание изображений божеств, амулетов, бубнов»⁴ (рис. 2).

А потом его имя без объяснения исчезает из материалов Музея, хотя А.В. Журавский продолжал свои исследования на Севере вплоть до неожиданной и трагической смерти в 1914 г. Всего же в МАЭ от него поступило 30 коллекций, насчитывающих более 2000 предметов (см. Приложение 1).

Фигура А.В. Журавского привлекала внимание исследователей и раньше. Сведения о нем попали в некоторые справочники, появлялись специальные статьи, рассматривавшие, например его как агронома. К 100-летию со дня рождения А.В. Журавского писатель Л. Смоленцев опубликовал два романа, в которых он описывается как романтический герой, но в них имеется ряд неточностей. Все это дает нам право посвятить деятельности этого замечательного человека специальный очерк⁵.

Считается, что А.В. Журавский родился 22 сентября 1882 г. в Елизаветграде (ныне Кировоград, Украина) в семье военного инженера генерал-майора В.И. Журавского. Но знакомство с документами А.В. Журавского, сохранившимися в «Личном деле студента Санкт-Петербургского университета», показывает, что на самом деле он был приемным сыном В.И. и С.К. Журавских. В начале октября 1882 г. они усыновили подкидыша, который был подброшен 22 сентября в Александровский детский приют Елизаветграда в возрасте двух-трех недель от роду. 16 октября малыш был крещен в Успенском соборе Елизаветграда и наречен именем Андрей⁶. Стремясь обеспечить будущее своего приемного сына, В.И. Журавский пытался передать ему свое потомственное дворянство, но это не удалось. В именном указе императора Александра III от 14 января 1890 г. говорилось: «Воспитаннику генерал-майора В.И. Журавского Андрею дозволено носить его фамилию, отчество и пользоваться правами личного почетного гражданина, но без права наследования по закону имущества его воспитателя»⁷. Через некоторое время после смерти родителей этот указ оставил А.В. Журавского почти нищим, и только через суд и после мытарств ему удалось стать наследником имущества своих приемных родителей, в частности небольшой суммы денег, которую он израсходовал на свои исследования на Севере.

В 1901 г. после окончания гимназии Я.Г. Гуревича в Санкт-Петербурге А.В. Журавский был зачислен и число студентов первого курса

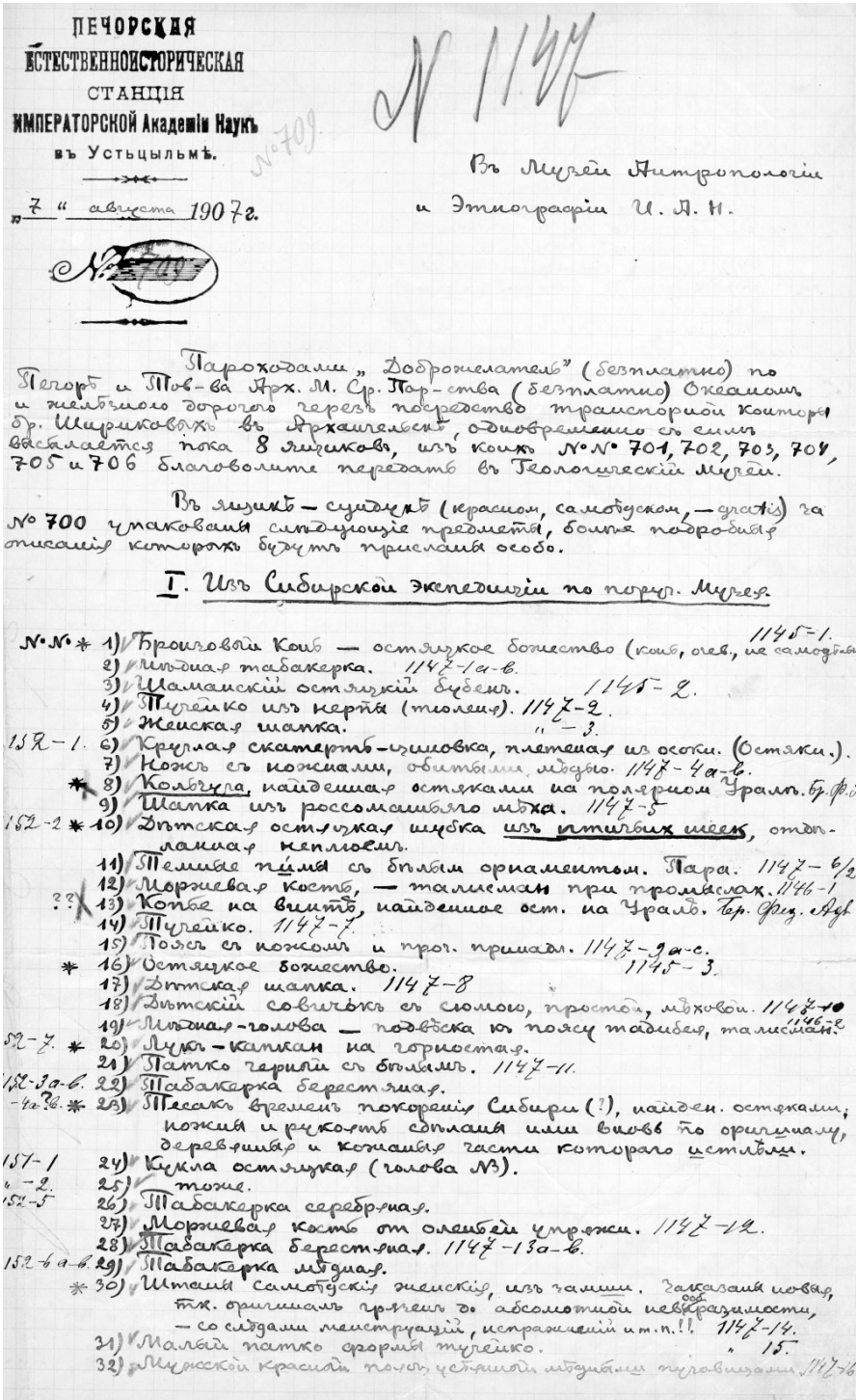

Рис. 2. Письмо А.В. Журавского в МАЭ.

естественного разряда физико-математического факультета Петербургского университета. Прежде чем приступить к занятиям, 20 августа 1901 г. он, согласно существовавшим в университете правилам, заполнил и подписал напечатанную типографским способом специальную подписку, в которой, в частности, говорилось: «Во время пребывания в числе слушателей СПб Университета обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства, не вступать и в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе. В случае же нарушения мною сего обещания подвергаюсь немедленному удалению из заведения и лишаясь всякого права на внесенные мною в пользу недозволенного сбора деньги. Свидетельства, билет, учебные планы и правила для студентов, которые обязуюсь выполнять, получил. А. Журавский»⁸.

Родители, в первую очередь мать, хотели, чтобы он по примеру своего отца стал военным. Сам же Андрей с детства увлекался естественными науками: зоологией, ботаникой, географией. Этому во многом способствовал давний друг отца, профессор университета В.В. Заленский, ставший в студенческие годы А.В. Журавского академиком Императорской Академии наук и директором Зоологического музея и в какой-то степени его наставником после смерти родителей. Смерть отца в 1892 г. и матери в 1901 г. позволила А.В. Журавскому по-своему распорядиться своей судьбой и отдаться любимому делу.

В университете А.В. Журавский слушал лекции геолога, академика, директора Геологического музея Ф.Н. Чернышева, зоолога В.В. Заленского, ботаника и почвовед В.Н. Танфильева, профессора В.М. Шишкевича и других. Еще на первом курсе учебы сложился небольшой кружок наиболее близких друзей А.В. Журавского, куда входили студенты университета А. Григорьев и Д. Руднев, студент Института путей сообщения М. Шпанберг. В последующем они разделили с А.В. Журавским как тяготы многих путешествий, так и радость открытий и научного признания. Только А.А. Григорьев пережил своих друзей, став впоследствии действительным членом АН СССР и одним из крупнейших советских географов⁹. С географией связал свою жизнь и Д. Руднев, занимаясь наукой и преподавательской деятельностью в Географическом институте¹⁰.

В 1902 г. А.В. Журавский под влиянием рассказов о Севере академика Ф.Н. Чернышева, который неоднократно бывал там, предпринимает свою первую, пока еще частную ознакомительную поездку в Архангельскую губернию и Печорский край, который просто очаровывает его своей природой, людьми и их образом жизни. Здесь же он находит и свою любовь (Веру Александровну Рогачеву, дочь местного уездного полицейского исправника в селе Усть-Цильма), которая завершается законным браком и венчанием в Архангельске (как студент, он должен был получить разрешение на брак от ректора университета, и переписка по этому поводу сохранилась его личном деле)¹¹. С этого времени каждый год (а он организовал и совершил около 30 экспедиций) он выезжает на Север, подолгу оставаясь там, совершая путешествия по неиссле-

дованным районам, проводя наблюдения и собирая коллекции для музеев. Так, в течение 1903–1905 гг. им была обследована большая часть Большеземельской тундры, которая еще во многом для науки оставалась *terra incognita*¹². За это путешествие он получил сначала малую серебряную медаль, а в 1905 г. и большую золотую медаль им. Н.Н. Пржевальского — высшую почетную награду Императорского Русского географического общества, награду, которую студентом не получал никто¹³.

Для того чтобы интенсифицировать свои исследования, в 1905 г. А.В. Журавский на свои личные средства основывает в селе Усть-Цильма Печорского уезда Архангельской губернии, в административном центре Печорского края, Печорскую зоологическую станцию. Начинается наиболее благополучный период сотрудничества с Академией наук, в первую очередь с ее музеями. В том же году Журавский обратился через академика Ф.Н. Чернышева к председателю Совета директоров академических Музеев академику В.В. Радлову с просьбой принять станцию под покровительство Императорской Академии наук. Именно с 1905 г. он начинает снабжать музеи коллекциями по ботанике, зоологии, геологии и этнографии. А в 1908 г. Академия утверждает Устав Печорской Естественноисторической станции при Императорской Академии наук¹⁴. Станция учреждалась для всестороннего изучения Печорско-Мезенского края и соприкасающихся районов в биогеографическом отношении и для пополнения коллекций Зоологического, Ботанического, Геологического и Этнографического музеев АН (рис. 3).

Начавшаяся так успешно совместная деятельность Академии наук и А.В. Журавского скоро была омрачена неприятностями: стороны, как оказалось, вкладывали в это сотрудничество различный смысл. Журавский предполагал, что Академия выделит значительные средства на проведение исследований. И в ожидании этих, как бы сегодня сказали, субвенций вложил в деятельность станции большую часть своих личных средств (около 5000 р.). Когда же он поставил перед Академией наук вопрос о возмещении этих средств, то выяснилось, что у нее нет таких свободных денег, ибо в Академии считали, что она несет ответственность только за научно-методическое руководство деятельностью станции. А финансовые средства должны были по Уставу состоять

Рис. 3. Жительницы с. Усть-Цильма.
МАЭ. Колл. № 908–7.

из: а) взносов действительных и почетных членов станции; б) наблюдательных ассигнований от музеев АН; в) частных пожертвований и ни в коем случае не из постоянных ассигнований АН.¹⁶ Началась длительная тяжба А.В. Журавского с Академией наук. Например, еще в 1906 г. А.В. Журавский в одном из писем на имя старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга ставил вопрос о компенсации ему определенных денежных средств за собранные коллекции и накладные расходы: «Экспедиция 1905 г. мне обошлась в 2660 р., Музей Александра III [в настоящее время — Русский музей. — А.Т.] не уплатил мне 1000 р. Я предлагаю дополнить коллекции МАЭ еще рядом экспонатов по самоедам и устьцилемам. Меня угнетает мысль превратиться из исследователя в продавца, но я должен уплатить к 29–31 января 1808 р., к 19 февраля — 574 р., к 24 марта — 1000 р.»¹⁵. Большая часть переписки Журавского с президентом АН великим князем Константином Романовым, вице-президентом АН академиком П. Никитиным, непременным секретарем АН академиком С.Ф. Ольденбургом, председателем Совета музеев АН академиком В.В. Радловым сохранилась и производит довольно тяжелое впечатление¹⁶. С одной стороны, Академия наук признает заслуги А.В. Журавского как исследователя и собирателя, но, с другой стороны, она не желает брать на себя никаких финансовых обязательств. Правда, после длительных препирательств Академия возместила А.В. Журавскому 2000 р. и некоторую сумму из средств Попечительского совета МАЭ, но сотрудничество между ними закончилось¹⁷.

Немалую роль в разрыве Журавского с Академией наук сыграли еще два обстоятельства. Во второй половине 1907 — первой половине 1908 г. Журавский, не получив из Академии наук ясных ответов о финансовой помощи, провел «сепаратные» переговоры об открытии при Печорской естественноисторической станции сельскохозяйственного отдела за счет ассигнований Главного управления землеустройства и земледелия с его главноуправляющим Л.В. Кривошеиным. Позже Журавский поставил вопрос об объединении Печорской станции с сельскохозяйственным отделом в одно учреждение под его общим руководством. При этом предполагалось, что Главное управление выделит для станции одновременно 75 000 р., а далее 50 000 р. ежегодно, а Академия наук для содержания сотрудников станции будет выделять 14 620 р. ежегодно. Это заявление А.В. Журавского обсуждалось на заседании Совета директоров академических музеев 20 ноября 1908 г. Совет, «признав устройство сельскохозяйственной станции полезным, в то же время не смог войти в детальное рассмотрение о финансировании станции Академией наук и счел возможным выделить на содержание Печорской станции 3000 р.»¹⁸. Фактически это был отказ финансировать станцию в будущем, что вынудило Журавского приостановить ее функционирование¹⁹.

Кроме того, разрыву Журавского с Академией во многом способствовало охлаждение к нему академика В.В. Радлова, директора МАЭ и одновременно председателя Совета директоров академических музеев. Это было вызвано тем, что А.В. Журавский публично обвинил В.В. Радлова в неэтичных действиях по отношению к собранным и переданным

Печорская Естественно-историческая

СТАНЦИЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук

ВЪ УСТЬЦЫЛЬМЪ.

„25“ сентября 1906 г.

№

№89

Глубоко уважаемый
Дружно Фридрихович!

21го я ездил последние поездки. Днем 21го было +20С., а 22го я уже выехал в область Шимана по самому пути. Это самому-же пути пройдет и та почта — должно быть, до перемены, послышась. Сегодня я вернулся из Шиманской тайболы (тайлы), где много любопытного не обрел. Мелкие рыбы покрались уже широким (салом) или камерным, а Пелора еще будет бороться с морозами.

Я получил Ваше любезное письмо 21го, и спешу на него ответить. Что касается орловеров, то все, до сих пор отправленные, хотя и сурового типа, но сшиты с шестов, которые отпадают здесь Каждый дом. На такие-же шесты помещаются на земли и орловеры, Шиманская с возвращающиеся с промыслов „карбасов“. Уменьш орловеров гораздо больше, потому они и доступны.

Итак, с Вашего позволения, орловеры, чулки и т.п. я буду приобретать по-прежнему.

Но Вашего совета приостановить приобретение прочих предметов до января, — я был бы склонен не исполнить, если только к тому суровой только отсутствию средств в Музе до 1907 г. Д. Д. Зурнев сообщил мне, что надежды на утверждение Зетова мало. Не касаясь возможных причин такого оборота дела, я думаю, все-таки что оснований к немедленному упрощению меня от исполнения вменяемых обязанностей не имеется; и если я в том направлении не ошибаюсь, то позволю себе привести основания к продолжению этой-же приобретения.

Дело в том, что мне выехать суровой до „Рождества“ придется около 2000 верст по Пелорскому пути на льдах условиях. С конца октября будет открыт объезд лютый Стасовой Кристав, по распоряжению Инженера, — объезд весь до одной деревушки Край, в которую, за отсутствием каких-либо дорог лютый и постовах — лютый и зимний, только и можно попасть только оврагом, если бы предприятие такой объезд специально, — он обошелся бы рублей в 300-400; а тут мне представляется возможность проехать, и плавать указные проходы лишь в одну

Рис. 4. Письмо А.В. Журавского сотруднику МАЭ Б.Ф. Адлеру.

первыми в МАЭ коллекциям. В.В. Радлов, как директор МАЭ, заключил с членом Попечительского совета Музея петербургским купцом Л.Е. Александром негласное соглашение о том, что последний предоставляет деньги, а В.В. Радлов поручает своим сотрудникам и собирателям на местах приобретать на эти деньги коллекции в двойном количестве. По доставке этих коллекций в Петербург за казенный льготный счет А.Е. Александр получал в свое распоряжение часть поступлений. Практической стороной дела ведал старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг. Таким образом, А.Е. Александру удалось составить значительное собрание по этнографии народов России, куда попала часть коллекции А.В. Журавского по самоедам, печорским русским и коми-ижемцам, вывезти его в Германию, в Лейпциг, и продать там различным заграничным музеям, и не только заграничным²⁰. Например, некоторое количество предметов из коллекций А.В. Журавского, которая не была распродана в Германии, была приобретена казной для Этнографического отдела Русского музея им. императора Александра III [в настоящее время — Российский этнографический музей, бывший Государственный музей этнографии народов СССР. — А.Т.].

Вопрос об этом деле публично был поднят Б.Ф. Адлером, сотрудником МАЭ. Он обвинил Л.Я. Штернберга, правую руку В.В. Радлова и проводника этой акции, в том, что тот не только способствует этим «неприличным» делам, но и вводит зарубежных исследователей в заблуждение, сознательно меняя этническую принадлежность тех или иных предметов. Основным пунктом обвинений А.В. Журавского было то, что коллекции были проданы без его ведома и разрешения. Как видно из сохранившихся бумаг третейского суда, Л.Я. Штернберг воспользовался стесненными денежными делами А.В. Журавского. Последний, находясь в это время в очередной экспедиции в Печорском крае, начал по заказу МАЭ приобретать коллекции и направил Л.Я. Штернбергу письмо с просьбой прислать денег для оплаты покупок. Тот же предложил А.В. Журавскому собирать коллекции в двойном количестве за счет частного лица для обмена с другими музеями. Согласившись на это и получив часть денег, А.В. Журавский поставил условие, что уникальные экспонаты, которые будут особо отмечены в его списке и будут иметь особые бирки, должны остаться в МАЭ. Но Л.Я. Штернберг не выполнил своего обещания и передал А.Е. Александру не предназначавшуюся для отчуждения из музея часть коллекции. Оскорбило А.В. Журавского и то, что он случайно обнаружил свои сборы в Этнографическом отделе Русского музея с особыми бирками как собрание А.Е. Александра²¹ (рис. 4).

Хотя руководство Академии наук прилагало усилия, чтобы скандал не просочился за ее пределы, дело приобрело публичный характер: оно разбиралось в третейском суде, было предметом специального разбирательства в Академии и ревизии деятельности МАЭ. Так, например, академик П. Кеппел, назначенный президентом Академии наук великим князем Константином Романовым к предварительному рассмотрению этого дела, писал: «Дело произвело на меня тягостное впечатление и дает основание признать в действиях администрации действия, не отвечаю-

щие достоинству АН». Он считает «не заслуживающим представления господина Александера к награждению орденом [это представление было сделано В.В. Радловым через голову президента Академии наук великого князя Константина Романова. — А.Т.], так как он преследовал в данной сделке личные материальные выгоды»²².

В ходе разбирательств не было обнаружено корыстных целей со стороны В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга, но оно заставило поволноваться всех действующих лиц, а также усилить контроль со стороны Академии за теми средствами, которые поступали в Попечительский совет музеев и их расходованием. Эти события резко обострили отношения А.В. Журавского с В.В. Радловым. Между ними произошел окончательный разрыв, несмотря на посредничество академиков Ф.Н. Чернышева и В.В. Заленского, знавших А.В. Журавского с детских лет. Кроме того, в результате этого дела из МАЭ были вынуждены уйти Б.Ф. Адлер и Н.И. Воробьев, как лица, «вынесшие сор из избы».

Вообще в жизни А.В. Журавского было больше трагического, чем счастливого. Несколько раньше, в 1908 г., ему окончательно было отказано в университетском дипломе. Как было сказано выше, он поступил в университет в 1901 г. и был уволен с осеннего полугодия 1906 г. «на невзнос платы» и за то, что «записей студента Журавского на лекции за весну и осень 1906 г. не обнаружено»²³. Этому во многом способствовал сам А.В. Журавский, ибо с точки зрения формального права он часто опаздывал к началу занятий и не сдал многих необходимых экзаменов. Правда, он предъявлял в ректорат документы об объективности своего отсутствия: письма, рапорты, записки от представителей местных властей об отсутствии дорог, опоздании к последнему пароходу, распутице, болезни и т.д. Часть из них сохранилась в его личном деле. В 1907–1908 гг. А.В. Журавский несколько раз обращается к ректору, в Совет университета, к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой зачесть ему в качестве экзаменов и прослушанных лекций опубликованные им к тому времени научные статьи и результаты экспедиций и заменить ему устные экзамены диссертациями²⁴. Но Совет университета категорически отказал ему в этом. А сам факт отсутствия университетского диплома еще много раз сыграет отрицательную роль в его жизни, ибо противники постоянно напоминали ему об этом. Кроме того, этот факт доставлял массу хлопот его покровителям, так как он не мог занять «классную» должность и они вынуждены были придумывать какие-то внештатные должности и чины. К этим неприятностям добавился туберкулез: в самый разгар разбирательств врачи определили у А.В. Журавского начало болезни, и он срочно уехал на несколько месяцев в Финляндию для лечения, которое завершилось вполне успешно.

Все эти неудачи не сломили А.В. Журавского, и он продолжил свои исследования на Севере, но уже без всякой связи с Академией наук. В 1909 г. он был назначен сначала начальником Северопечорской экспедиции, а в 1910 г. — заведующим Печорской сельскохозяйственной станцией Главного управления землеустройства и земледелия в селе Усть-Цильма, на посту которого и оставался до своей гибели. Он продолжает ставить сельскохозяйственные

опыты, основывает естественноисторический музей, собирает новую великолепную этнографическую коллекцию. Эта коллекция (вернее ее остатки) была вывезены в 1923 г. Дмитрием Травинным из Печоры в Петроград, в МАЭ, зарегистрирована под номером 2911 (всего 297 предметов) и после смерти собирателя соединена с его более ранними сборами.

Основной же в деятельности А.В. Журавского в последний период его жизни становится идея широкого хозяйственного освоения Русского Севера. А.В. Журавский публикует большое количество работ, в которых призывает правительство и местные власти к активной колонизаторской политике на Севере²⁵. Реально вопрос о способах заселения и использования громадного Печорского края на страницах северной печати возник в 1906 г. Тогда А.В. Журавский поддержал идеи еще одного патриота Русского Севера — А.С. Нормана, который на основе своих исследований в Архангельской губернии обосновал практическую возможность сельскохозяйственного освоения этого края²⁶. В серии своих статей он рассуждает о внушительных размерах свободных земель в северных губерниях²⁷. Разворачивается значительная дискуссия, как в местной, так и в центральной печати, в которую были вовлечены ученые, журналисты, государственные деятели, включая архангельского губернатора А.Н. Энгельгарта. Правда, А.В. Журавский смотрел на этот вопрос шире: «Заселение Архангельской губ. есть крупное экономическое и финансовое предприятие России, а не чисто аграрное»²⁸. И А.С. Норман, и А.В. Журавский ставили вопрос о широком экономическом использовании края, его неиссякаемых природных богатств, об устройстве путей сообщения, а также как о естественной географической зоне травяного, т.е. мясомолочного и маслодельческого животноводства. Одновременно они высказали мнение о Печорском крае как об области, пригодной для колонизации из центральных и даже более южных губерний.

На подобные взгляды А.В. Журавского во многом повлияли его сельскохозяйственные опыты в Усть-Цильме, которые давали обнадеживающие результаты (правда, в силу очень локальных благоприятных климатических условий расположения этого села). Эти данные он пытался распространить на весь регион²⁹. Со временем А.В. Журавский выработал собственную более или менее целостную «Программу очередных срочных законодательных предложений к оживлению Крайнего Севера России»³⁰. Вся его дальнейшая практическая и публицистическая деятельность стимулировала, с одной стороны, бурную дискуссию как в научной, так и широкой печати, а с другой стороны, вынуждала местную администрацию к проведению практического обследования Печорского края. Следствием этих его усилий стали проведение в Архангельске в мае и ноябре 1909 г. серии губернских совещаний по вопросу о колонизационной пригодности Печорского уезда (под председательством архангельского губернатора И.В. Сосновского), а также поездки последнего в сопровождении губернского агронома И.И. Тулубьева в те районы, о колонизации которых говорил А.В. Журавский.

Решения этих совещаний были отрицательными для А.В. Журавского, ибо они признали, что «вопрос о колонизации Печорского края не име-

ет значения неотложной государственной задачи ни с точки зрения ее возможных результатов, ни тем более с точки зрения условий, существенно необходимых для успешного ее осуществления. Колонизация Печорского края желательна вслед за осуществлением колонизации центральных районов Архангельской губернии»³¹. Но, несмотря на такой отрицательный результат, А.В. Журавскому все же удалось продолжить свои работы благодаря покровительству Кривошина и Васильчикова. Но эта настырность окончательно испортила его отношения с губернской администрацией.

В последние годы Л.И. Журавский начал писать главный труд своей жизни — «Биогеографические формулы и проблемы. Полярные окраины в ином освещении», который ему было не суждено завершить³². В нем он доказывает, что в связи с отступлением Северного Ледовитого океана на север происходит продвижение границы растительности. Заболоченность тундры является мнимой и поверхностной, а снятие торфяного покрова приводит к поразительно роскошным лугам, что позволяет увеличить используемую территорию. По его данным, Север переживает возвращение геологически-климатической амплитуды к максимуму, что тоже позволяет предположить возможность активной сельскохозяйственной практики. Следовательно, результатом рационального заселения Русского Севера и превращения последнего из мертвой пустоши в арену колоссального луговодства, скотоводства и маслоделия явилось бы возникновение из всех основных отраслей северного хозяйства нового, сказочно колоссального капитала, достигающего, по упомянутым выкладкам, 73 млрд руб. в год.

Современники по-разному относились к деятельности А.В. Журавского, его имя часто мелькало на страницах северной прессы, вызывало неодинаковую оценку у многих государственных, общественных и частных лиц. Так, например, архангельская газета «Северное утро» в своем новогоднем номере за 1912 г. опубликовала такое шутовское пожелание: «А.В. Журавскому 300 000 курьеров, 300 миллионов переселенцев, 30 сребренников, фунт изюму, который, кажется, еще не произрастает на Печорских плантациях»³³.

Его жизнь трагически оборвалась в августе 1914 г., на 32 году жизни, когда он был убит выстрелом из ружья одним из своих сотрудников. Причины этого убийства не ясны до настоящего времени, а сам убийца в одночасье был признан невменяемым и отправлен в сумасшедший дом³⁴. Центральная и северная пресса последний раз откликнулась на фамилию А.В. Журавского, чтобы затем надолго забыть его³⁵. Похоронили Журавского на высоком обрыве, на берегу реки Печоры, недалеко от станции, которая стала делом всей жизни. Но память о нем живет в Усть-Цильме, где до настоящего времени сохранилось здание станции, перенесенной на новое место и преобразованной в музей его имени. Там восстановлен мемориальный кабинет А.В. Журавского, собрана часть его книг. А перед домом установлен небольшой памятник. Сама станция была выдающимся событием для Русского Севера. Со временем она должна была разрастись в опытное универсальное сельскохозяйственное учреждение. Но в годы гражданской войны ее деятельность была свернута, вновь возрождена лишь в 1924 г. и с небольшими перерывами продолжается до настоящего времени³⁶.

По прошествии времени нам лучше видны его ошибки и просчеты. Правы оказались его оппоненты, считавшие, что земледельческие ресурсы Печорского края ничтожны и зона «рискованного» земледелия никогда не позволит получать гарантированные большие урожаи. Не удавалось получить их в этом районе и за последние 70 лет. Зато этот регион пережил бурный промышленный рост, здесь были открыты каменный уголь, образцы которого доставил в Горный музей А.В. Журавский, а также нефть, поиски которой также начались при нем. Потом дошла очередь до газа и многих других полезных ископаемых, которые в корне переменяли образ жизни и хозяйство жителей Печорского края.

Не верна была позиция А.В. Журавского и в так называемом «самоедском вопросе». А.В. Журавский и некоторые его последователи в начале XX в. широко обсуждали вопрос о «вымирании и уничтожении самоедов» другими народами, которые хозяйственно осваивали северные тундры, в первую очередь коми-ижемцами и русскими устьцилемами³⁷. Как этнограф, он много занимался этнической историей Печорского края, пытаясь разобраться в сложном хитросплетении хозяйственных и торговых взаимоотношений коми, русских и ненцев. Одновременно в сфере его интересов оказалось оленеводство как основная отрасль этого региона. Ученый был первым, кто сообщил о природоохранных обычаях оленеводов, начал серьезно исследовать технологию оленеводства, поднял вопрос о соотношении оленеводства и кормовой базы. Занимался он и изучением традиционного права, в особенности земельного.

С.В. Керцелли в одной из своих статей называет А.В. Журавского «большим ненавистником зырян»³⁸. Можно согласиться с К. Истоминым, что публицистика А.В. Журавского — апогей традиции В. Иславина в подходе к истории и функционированию оленеводства на Русском Севере и его проблемам. В ряде работ он последовательно доказывает, что зыряне оказали и продолжают оказывать крайне разрушительное влияние на культуру ненцев — мысль, красной нитью проходящая через все его этнографическое наследие. Все факты культуры ненцев, по какой либо причине расцениваемые А.В. Журавским как негативные (пьянство, отсутствие бережливости, грязь в чумах и т.д.), сводятся им к воздействию коми. Его возмущение деятельностью ижемцев заходит так далеко, что он присваивает себе роль правозащитника, борца за права угнетенных ненцев. По его мнению, коми оленеводство едва ли насчитывает сто лет, его развитие шло благодаря неравному обмену, обману, а то и открытому грабежу ненцев, его функционирование основано на использовании наемного ненецкого труда, разрушительно для природы и культуры и, наконец, неправомерно с юридической точки зрения, поскольку основывается на использовании земли, по праву принадлежащей ненцам и преступно украденной у них³⁹. В целях «спасения самоедов» А.В. Журавский предлагал вообще запретить выход в тундры любых других этносов, его предложения наиболее полно были выражены в статье «Самоедское право»⁴⁰.

Исследования последних лет Л.Н. Жеребцова, И.И. Крупника и автора показывают, что процесс взаимодействия самоедов (ненцев) с русскими и коми-ижемцами был более сложным, многосторонним и взаимовыгодным, чем его пытались представить раньше⁴¹.

Не все подтвердилось в гипотезах Журавского об изменении природной среды Европейского Севера — превращении тундры в более удобное для освоения пространство под воздействием деятельности человека и климатических изменений⁴².

Из более 2000 этнографических предметов, доставленных А.В. Журавским в МАЭ, более 800 было приобретено или получено им в старинном русском селении Усть-Цильма. Оно было основано в 1542 г. выходцами из Великого Новгорода. Село с округой известно как центр старообрядчества, его жители веками сохраняли здесь самобытную народную культуру древнего Новгорода и местную рукописную книжную традицию. Собрание А.В. Журавского представляет колоссальный научный интерес, ибо дает нам срез этой оригинальной региональной народной культуры начала XX в. Она давно привлекала внимание исследователей. Так, к ней обращалась известный ученый Н.И. Гаген-Торн, опубликовавшая две статьи: одна была посвящена флюгерам, которые устанавливались устьцилемами на больших карбасах, а вторая — деревянной утвари⁴³ (рис. 5). Некоторое число экспонатов в 2000 г. выставлялись на выставке «Игрушка народов мира», организованной автором в МАЭ. Отдельные предметы анализируются в статье Т.А. Бернштам, помещенной в настоящем сборнике.

Рис. 5. Флюгер. МАЭ. Колл. № 1036–190.

В начале XX в. в Усть-Цильме, как и во многих русских селениях на Севере, еще не нарушалась господство старинной традиции: деревня была деревянной. Именно дерево было тем материалом, из которого изготовлялось все то, что нужно было для жизни крестьянину. Как заметил один из исследователей старой русской деревни. В. Воронов, «жилище, обстановка, средства передвижения, посуда, утварь, орудия труда, предметы культа и т. д., все вещественное бытовое и хозяйственное окружение крестьянина — от зыбки и игрушки до гроба и намогильно-го креста — имело своим широким и почти исключительным материалом дерево»⁴⁴. Коллекция А.В. Журавского показывает, что жители этого села владели многими техниками обработки дерева: долбление, вытачивание на станке, сборка из клепки, плетение из бересты, щепы и корня деревьев и веток. Очень часто предметы украшались треугольновыемчатой резьбой и росписью разноцветными краскам. Особо было принято украшать прялки-корневухи, изготовленные из цельного куска дерева, имеющего естественный изгиб. Так, например, из Усть-Цильмы происходят 60 прялок. К ним примыкает значительное количество образцов веретен. Вызывает удивление то, что в коллекции А.В. Журавского отсутствует керамическая посуда, ибо она, как и металлическая, повсеместно использовалась для приготовления пищи.

Особо следует отметить существенное число самых разнообразных детских игрушек, включая самодельные куклы. Большой интерес для исследователя представляют образцы традиционной женской одежды, а также шелковых покупных тканей, которые шли на их изготовлении. Кроме того, им было привезено и некоторое количество культовых предметов, в первую очередь лестовок и крестов.

Суммируя данные по коллекции, можно сказать, что на ее основе может быть организована значительная выставка по традиционно-бытовой культуре северорусских старообрядцев.

Завершая очерк о А.В. Журавском, хочется отметить еще одну заслугу перед отечественной наукой. По-видимому, он был первым исследователем, который начал археологические разыскания на Северо-Востоке Европейской России. Надо сразу признать, что он не был профессионалом в этом деле и все присланные им в МАЭ археологические коллекции были простыми сборами. Например, в письме от 10 ноября 1907 г. А.В. Журавский писал: «Мною отправлен 121 экземпляр кремневых стрел и скребков послеледникового доисторического человека из центра Большеземельской тундры, затем 217 черепков глиняной посуды, 13 осколков костей и зубов мамонта из места “Шренк-Ярэй”, 51 черепок из места “Мой-Ярэй”, 238 кремневых осколков из места “Мой-Ярэй”, 420 кремневых осколков из места “Шренк-Ярэй”. Я брал не только хорошо сохранившиеся кремневые орудия, но и осколки, причем на многих заметны следы начальных форм обработки. <...> Определяя эти открытия, возникает решение проблемы безусловного крайнего географического распространения доисторического человека»⁴⁵. Открытие этих, как он сам называл, двух «поселений» доисторического человека позднее интерпретировалось им как факт более теплого климата в далеком прошлом в этом регионе и возмож-

Рис. 6. Куклы. МАЭ. Колл. № 1036–53, 1036–59.

ном его изменении в сторону потепления в ближайшее время. Это стало дополнительным аргументом в пользу его гипотезы о возможном широком сельскохозяйственном освоении Крайнего Севера в самое ближайшее время исходя из цикличности изменения климата.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список коллекций А.В. Журавского в МАЭ

	Номер коллекции	Народ	Место сбора	Состав	Кол-во номеров	Кол-во предметов
1	935	русские	Печорский у.	одежда	16	16
2	979	самоеды	Архангельская губ.	предметы быта	18	19
3	987		Сев. Урал	археология	5	5
4	1011	русские	Печорский у.	предметы культа	1	1
5	1012	русские	Печорский у.	предметы быта	4	4
6	1036	русские	Архангельская губ.	предметы быта	627	640
7	1038	самоеды	о. Вайгач	предметы быта	25	25
8	1101	русские	Печорский у.	предметы быта	220	253
9	1133	самоеды	Архангельская губ.	куклы	31	31
10	1134	самоеды	Большеземельская тундра	куклы	6	57
11	1135	самоеды	Югорский шар	куклы	29	29
12	1136	самоеды	Архангельская губ.	сумки	24	24
13	1139	самоеды	Архангельская губ.	предметы культа	29	31
14	1141	самоеды	Архангельская губ.	предметы быта	24	33

	Номер коллекции	Народ	Место сбора	Состав	Кол-во номеров	Кол-во предметов
15	1144	самоеды	Архангельская губ.	тамги	18	18
16	1145	остяки	Тобольская губ.	предметы быта	5	5
17	1146	самоеды	Тобольская губ.	предметы культа	2	2
18	1147	самоеды	Тобольская губ.	предметы культа	41	51
19	1151	остяки	Тобольская губ.	куклы	23	23
20	1152	остяки	Тобольская губ.	предметы быта	19	24
21	153	самоеды	Архангельская губ.	предметы быта	8	12
22	1169		Большеземельская тундра	археология	123	123
23	1184		Архангельская губ.	археология	255	255
24	1226	русские	Архангельская губ.	одежда	3	3
25	1329	самоеды	Тобольская губ.	упряжь	30	34
26	1346	самоеды	Печорский у.	одежда	7	7
27	1348	самоеды	Печорский у.	предметы быта	56	50
28	1457		Архангельская губ.	археология	180	184
29	1666		Полярный Урал	археология	4	4
30	1877		Архангельская губ.	предметы быта	50	50

Библиография

1. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1905 г. СПб., 1905. С. 73.
2. То же за 1906 год. С. 88, 89, 91, 92.
3. Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого за 1907 год. СПб., 1908. С. 4–5, 9, 11–13.
4. То же за 1908 год. СПб., 1909. С. 5.
5. Русские ботаники: Словарь. М, 1950. Т. 3. С. 304–306; Вавилов П.П. Пионер северного земледелия (А.В. Журавский. 1882–1914). Из истории русской агрономии // Советская агрономия. 1951. № 4; Русские географы и путешественники Л., 1971; Смоленцев Л. Д) Печорские дали. Сыктывкар, 1979; 2) Родные гнездовья. М., 1982; Носов Я.Н. Подвиг ученого. К 110-летию со дня рождения Андрея Владимировича Журавского. Усть-Цильма. 1992; Вехов Н.В. Андрей Владимирович Журавский // Московский журнал. 2001. № 2.; Трюков А.И. Андрей Владимирович Журавский: Жизнь и идеи // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 73–84. О собирательской деятельности А.В. Журавского см.: Трюков А.И. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., Вып. 2–3. С. 254–265.
6. Личное дело студента Санкт-Петербургского университета А.В. Журавского: Удостоверение Елизаветградского Благотворительного общества от 22 апреля 1889 г., копия метрической выписки № 804 от 25 сентября 1884 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 38986, л. 8, 9.
7. Копию указа см. там же, л. 10.
8. Там же, л. 11.
9. Рихтер Г.Д., Исаченко А.Г., Калесник С.В. Андрей Александрович Григорьев // Известия ВГО. 1960. Т. 101. Вып. 1. С. 87–88.
10. Русские географы и путешественники. Л., 1971. С. 116–117.
11. ЦГИА. СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 38986, л. 25–26.
12. Журавский А.В. О Западе Большой Земли // Труды СПб Общества естествоиспытателей. 1905. Т. 35. № 2. С. 65–95; Руднев Д. Д Предварительный отчет о Большеземельской экспедиции 1904 г. // Известия ИРГО. 1905. Т. 41. Вып. 3. С. 571–585; Большеземельская экспедиция А.В. Журавского // ЭО. 1905. № 4. С. 174.
13. О присуждении ему этих наград см.: Известия ИРГО. Т. 41. Вып. 5. С. 47; Известия ИРГО. Т. 42. Вып. 5. С. 504; Отзыв академика Ф.Н. Чернышева о трудах А.В. Журавского // Отчет ИРГО за 1905 год. С. 18–19.
14. Переписка с Печорской Естественноисторической станцией // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПбФ. Архива РАН. Ф. 2, оп. I–1906, ед.хр. 37, л. 1–2; Журавский А.В. Печорская естественноисторическая станция при Академии наук. Ее задачи и история возникновения. Архангельск, 1908.
15. Музей антропологии и этнографии. Переписка по сбору коллекций, январь 1906 — декабрь 1908 гг. // СПбФ. Архива РАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), ед.хр. 58, л. 9–10.
16. Переписка с Печорской Естественноисторической станцией // СПбФ. Архива РАН., ф. 2, оп. 1–1906, ед.хр. 37. л. 12–75; Канцелярия президента АН великого князя К.К. Романова // СПбФ. Архива РАН. Ф. 6, оп. 1, ед.хр. 34, л. 25–88.
17. Черновик письма вице-президента АН академика П.В. Никитина на имя барона Будберга А.А., начальника Собственной Его Императорской Величества канцелярии по приему прошений // СПбФ. Архива РАН. Ф. 36. оп. 1, ед.хр. 303, л. 1–2.
18. Выписка из протокола заседания Общего Собрания Академии наук от 13 декабря 1908 г. // СПбФ. Архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1906, ед.хр. 37, л. 48.
19. Письмо вице-президента АН академика П.В. Никитенко на имя президента АН великого князя К.К. Романова // СПбФ Архива РАН. Ф. 6. оп. 1, ед.хр. 34, л. 68.
20. По сохранившимся в МАЭ в описи коллекции № 1101 бумагам видно, что часть предметов по северным русским из собрания А.В. Журавского была отправлена в Гамбургский этнографический музей.
21. Документы по делу третейского суда между академиком В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, с одной стороны, и Б.Ф. Адлером, с другой стороны // СПбФ Архива РАН. Разряд 2,

оп. 1, № 286. 213 л.; О третейском суде между академиком В.В. Радловым, Л.Я. Штернбергом и проф. Б.Ф. Адлером как представителями Музея антропологии и этнографии и назначении ревизии // СПбФ Архива РАН. Ф. 2, оп. I–1910, № 54, 130 л.

22. Канцелярия Президента АН великого князя К.К. Романова: Переписка за 1911 г. // СПбФ Архива РАН. Ф. 6, оп. 1, № 34, л. 25–26, 27–39, 67–88.

23. Личное дело студента А.В. Журавского // ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 38968, л. 32, 34, 35.

24. Там же, л. 36.

25. Журавский А.В. К проблеме колонизации Печорского края. Архангельск, 1908; он же. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса (Экономический потенциал Севера). Архангельск, 1908; он же. Европейский Русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911.

26. Норман А.С. Почему необходимо заселение Архангельской губернии. СПб., 1909; он же. Записка к вопросу об организации заселения и Архангельской губернии. СПб., 1910.

27. Норман А.С. Условия организации переселений на Север. СПб., 1902; он же. Истинные богатства нашего Севера и возможность его заселения. СПб., 1902; он же. К вопросу о заселении Архангельской губернии и ответ г. Суцескскому. Архангельск, 1907.

28. Журавский А.В. Почему Печорский край // Известия АОИРС. 1910. № 14. С. 3.

29. О сельскохозяйственных опытах А.В. Журавского см.: Журавский А.В. Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губ. в связи с колонизацией края // Известия АОИРС. 1909. № 2. С. 37–42; № 3. С. 39–50; он же. Северо-Печорская экспедиция // Известия АОИРС. 1909. № 9. С. 59–64; он же. Приполярная Россия // Известия АОИРС. 1909. № 13. С. 1–8; Федоров В.Д. Сельское хозяйство на Крайнем Севере // Известия АОИРС. 1909. № 8. С. 3–12.

30. Архангельские губернские ведомости. 1909. № 91.

31. Тулубьев И.И. О колонизации Печорского уезда. Архангельск, 1910. С. 64–65; Материалы по вопросу об исследовании колонизационной пригодности Печорского уезда. Архангельск, 1910.

32. Краткие тезисы этого труда были опубликованы после его смерти в 1915 г. (Известия ИРГО. Т. 51, Вып. 4. С. 237–245). В архиве Русского географического общества в его личном фонде сохранились некоторые предварительные и подготовительные материалы к этому фундаментальному труду.

33. Наши новогодние поздравления // Северное утро. 1912. № 1.

34. Смоленцев Л. Печорские дали... С. 341–350.

35. Памяти А.В. Журавского // Известия АОИРС. 1914. № 17. С. 559–560; А.В. Журавский (некролог) // Известия ОИОГ. 1914. № 5. С. 44–45; Анучин Д.Н. Смерть А.В. Журавского // Землеведение. 1914. Т. XXI, кн. 3. С. 170–171; А.В. Журавский (некролог) // Правительственный вестник. 1914. № 202; Журавский А.В. Убийство // Новое время. 1914. № 13804; Журавский А.В. (некролог) // Новое время. 1914. № 13822; Убийство А.В. Журавского // Архангельск. 1914. № 185; Максимов? К убийству Журавского // Архангельск. 1914. № 193, 209; Г.Э. Похороны А.В. Журавского // Северное утро. 1914. № 199, Андрей Владимирович Журавский // Северное утро. 1914. № 202.; Обзор трудов А.В. Журавского // Северное утро. 1914. № 190.

36. Табаленкова Г. Печорской сельскохозяйственной станции — 90 лет // Вестник Института биологии Коми научного центра. Сыктывкар, 2001. Вып. 39. С. 80–91.

37. См, например: Любов? Защитите самоеда, помогите ему (Экономическая жизнь и взаимные отношения зырян и самоедов Печорского края) // Архангельск. 1911. № 5; Журавский А.В. Как хозяйничают в Большеземельской тундре ижемцы // Голос Севера. 1907. № 132; он же. К самоедскому вопросу // Известия АОИРС. 1909. № 12; он же. Местное хозяйство и контроль государства (К вопросу о землеустройстве печорских самоедов). Архангельск, 1909.

38. Керцелли С.В. Архангельские тундры // Известия АОИРС. 1910. № 23. С. 2.

39. Журавский А.В. К самоедскому вопросу // Известия АОИРС. 1909. № 12.

40. Журавский А.В. Самоедское право. Архангельск, 1908.

41. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами М., 1982. С. 157–175; Крупник И.И. Становление крупнотабуного оленеводства у

тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2. С. 57–69; Teryukov A.I. Concerning the question of komi-samoyed ethno-cultural parallels / Traces of the Central Asian cultur in the North // Memories de la Societe Finno-Ougritinne. Helsinki. 1986. Vol. 194. P. 249–261.

42. Журавский А.В. Биogeографические формулы и проблемы. Полярные окраины в новом освещении // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. Вып. 4. С. 237–245.

43. Гаген-Торн Н.И. Судовые флюгера «сорочки» // Сборник МАЭ. Л., 1961. Т. 20. С. 75–83; она же. Деревянная утварь Усть-Цильмы (по коллекциям ленинградских музеев) // Сборник МАЭ. 1962. Т. 21. С. 65–77.

44. Воронов В. Народная резьба. М., 1925. С. 5.

45. Носов Я.Н. Подвиг ученого... С. 16.